

Стэнли Эдгару Хайману

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ширли ДЖЕКСОН БЫЛА И ОСТАЕТСЯ ОДНИМ ИЗ АВТОРОВ, ОКАЗАВШИХ НА МЕНЯ СИЛЬНЕЙШЕЕ ВЛИЯНИЕ. Она научила меня принимать мир во всей его причудливости и в то же время оставаться верным своим взглядам, какими бы сложными они ни казались читателю. Лет в десять-двенадцать я впервые прочел «Лотерею», которую до сих пор считаю одной из самых сильных книг в своей жизни, затем были «Вешальщик», «Призрак дома на холме» и более ранние вещи — я следил за каждым словом, написанным Джексоном, — и наконец, с большим опозданием, добрался до «Мы всегда жили в замке». Я обращаюсь к Джексоном, когда хочу понять тьму, понять, как люди воспринимают зло, или, что еще страшнее, сами творят его. Мир вокруг всегда был для меня чем-то непостижимым, источником постоянного беспокойства, а Джексона показала мне, как можно жить, не рискуя превратиться в параноика. Для меня ее сюжеты были поучительными историями, благодаря которым жизнь становилась простой и понятной. Хотя «Птичье гнездо» Джексона написала в самом начале карьеры, эта книга — наглядный пример того, что так привлекает

меня в ее творчестве: Джексон способна создать тихий хаос, который, как бы читатель ни старался, не поддается ни определению, ни пониманию. Мы никогда, понял я из книг Джексон, не сможем объяснить всего, что происходит в мире, и в загадочных, необъяснимых вещах кроется самое интересное.

«Птичье гнездо» начинается описанием музея, давно нуждающегося в ремонте, — здания со «странным наклоном к западу, до того заметным, что становилось не по себе». Когда я перечитывал роман, этот образ сразу напомнил мне две другие выдающиеся работы Джексон, написанные позже, — «Мы всегда жили в замке» и «Призрак дома на холме», где фигурируют зловещие дома, места, в которых обитают странные, завораживающие персонажи. Через несколько страниц появляется главная героиня — Элизабет Ричмонд, тихая, одинокая девушка, оплакивающая недавно умершую мать, и мы узнаем, что, возможно, «Элизабет вывел из равновесия наклон пола в кабинете» — она работает в канцелярии музея. Кабинет Элизабет находится на последнем этаже, и, когда в музее начался ремонт, в стене рядом с ее столом проделали дыру. Эта дыра обнажила «скелет здания» и манит девушку, — та испытывает желание «броситься вниз, в первобытные пески, на которых, по всей видимости, стоял музей».

Любителям творчества Джексон знаком подобный прием, и они готовы к тому, что наклонившиеся задние постепенно сведет мисс Ричмонд с ума. Тьма возникает, когда выясняется, что героиня по-

лучает письма с угрозами, усугубляющие ее головные боли и боли в спине. Все элементы присутствуют, и вот — доказательство таланта Джексона и причина, по которой «Птичье гнездо» остается одним из моих любимых романов, — повествование делает новый, совершенно неожиданный поворот. Внутри Элизабет Ричмонд живут несколько личностей, и одна из них тайком сбегает из дома навстречу сомнительным приключениям. Письма с угрозами — дело рук самой Элизабет. Она говорит, будто ничего не знает о случившемся, но не уверена в своих словах. Мы видим, что странные, завораживающие персонажи обитают не в музее, а в теле Элизабет. И понимаем, о чем на самом деле пишет Джексон: о загадках, что таит в себе каждый из нас, о губительном, незримом саморазрушении.

Мы покидаем музей и попадаем в необыкновенный внутренний мир Элизабет. Роман превращается в исследование душевной болезни, тьмы внутри нас, которую так трудно понять и обуздать. Подобно Констансу из «Мы всегда жили в замке», Элинор из «Призрака дома на холме» и Натали из «Вешальщика», Элизабет — хрупкая, одинокая девушка, но Джексон экспериментирует, являя нам несколько отдельных личностей, каждая из которых по-своему неполноценна. Некоторые главы романа написаны от лица психиатра Элизабет — доктора Райта, не всегда, однако, охотно помогающего девушке, и тети Морген, у которой тоже есть свои секреты, но мои любимые отрывки посвящены тому, что происходит в сознании Элизабет или личности, в данный момент обитающей в ее теле. Джексон всег-

да с поразительной точностью пишет о хрупкости человеческой психики, и мне, всю сознательную жизнь страдавшему психическим расстройством, кажется, что мало кому из писателей так хорошо известно, на какие злые шутки способен наш разум. Когда Бетси, самая сложная и противоречивая из всех личностей Элизабет, ускользнув от доктора Райта и тети Морген, сбегает в Нью-Йорк в поисках матери, которую считает живой, повествование становится нервным, напряженным. Мысли Бетси путаются, и читателю трудно понять, что происходит. Мир вокруг теперь представляет для нее опасность, в каждом встречном она видит угрозу, куда бы она ни пришла — перед ней чужое, незнакомое место. Это одни из самых захватывающих и пугающих сцен в прозе Джексона.

Несмотря на то что методы доктора Райта, в первую очередь применение гипноза для лечения расстройства множественной личности, иногда дают результаты, едва ли Джексон хочет сказать, будто ему подвластны бездонные глубины загадочного сознания Элизабет. В поведении доктора есть нечто зловещее, интересным образом контрастирующее с присущей ему самоиронией. Его собственные страхи объясняют ужас, который он испытывает, поняв природу тьмы внутри Элизабет. Доктор — всего лишь укротитель, пытающийся подчинить своей воле человеческую душу, и нетрудно догадаться, что думает Джексон об успехе подобной затеи.

Конец романа сулит главной героине если не счастье, то хотя бы покой, и, тем не менее, это не

счастливым конц. Угроза, исходящая от окружающего мира, и, что куда страшнее, опасности, заключенные в нас самих, делают счастье недостижимым. Что бы ни стало потом с Элизабет, читатель сопереживает девушке; ее желания и поступки, даже самые странные, свойственны человеку. Это ответ — и мы находим его не только в «Птичьем гнезде», но и во всех произведениях Джексон — на вопрос, почему так страшно, заглянув в глубь вещей, увидеть тьму и хаос. Мастерство Джексон заставляет нас сперва отпрянуть при виде опасности, а потом подойти ближе и рассмотреть то, чего мы так испугались.

Кевин Уилсон

1. ЭЛИЗАБЕТ

Хотя музей считался в городе оплотом просвещения, фундамент его начал проседать, отчего у здания появился странный наклон к западу, до того заметный, что становилось не по себе, а у дочерей города, неустанно заимствовавших средства на содержание музея, — чувство бесконечного стыда и привычка винить друг друга. Кроме того, это весьма забавляло служащих музея — работу некоторых из них неумолимый наклон пола затронул самым непосредственным образом. Палеонтолог находил очень смешным то, что, накренившись, величественный скелет динозавра будто принял позу зародыша. Нумизмат, чьи экспонаты со звяканьем скапывались в кучу, отмечал, надоедая всем вокруг, что таким образом достигается классическое сопоставительное расположение. Орнитолог и астроном, в чьих областях и без того редко царило равновесие, заявляли, что перепад высот отразится на них, только если будет уклон, как на дороге, позволяющий свести на нет последствия хождения по неровному полу. Так или иначе, хождение для обоих было нехарактерным способом перемещения: одного манил полет, другого — самодостаточное вращение небесных сфер. Высокоученого профессора археологии,

который ходил по музейным коридорам, не замечая наклона, видели с надеждой разглядывающим просевший фундамент. Строитель и архитектор, а также сварливые дочери города пытались списать все на некачественные материалы и непомерную тяжесть некоторых древностей в собрании музея. В местной газете появилась передовица с критикой руководства, допустившего, чтобы обломки метеорита, коллекцию минералов и целый арсенал времен Гражданской войны, обнаруженный неподалеку от города и включавший две пушки, разместили в левом крыле здания. В статье справедливо отмечалось, что, если бы в левом крыле выставляли образцы знаменитых подписей и исторические костюмы, здание не просело бы, по крайней мере при жизни благодетелей музея. Поскольку местную газету, как все современное и недолговечное, не жаловали ниже третьего этажа музея, где располагалась канцелярия, экспозиции оставили на прежних местах. В канцелярии же каждый день читали комиксы и внимательно просматривали гороскоп на первой странице в надежде узнать, как они умрут. На третьем этаже были склонны к раздумьям и верили почти всему, что читали. В этом отношении они, конечно, мало чем отличались от образованных обитателей первого и второго этажей, которые проводили дни в окружении бессмертных предметов из прошлого, иронизируя на тему распада.

Место Элизабет Ричмонд находилось на третьем этаже, в углу кабинета. Эта часть музея располагалась ближе всего к поверхности, если можно так

выразиться. Отсюда осуществлялась связь с внешним миром, пресмыкающихся-ученых здесь не жаловали. Сидя за своим столом на верхнем этаже здания, в самом западном углу, Элизабет каждый день отвечала на письма с предложениями принять коллекцию гербариев или старинных морских сундуков, возвращенных в Америку из Китая. Доказательств того, что Элизабет вывел из равновесия наклон пола в кабинете, как и того, что здание начало проседать по вине Элизабет, нет, и все же никто не сомневается, что произошло и то и другое почти одновременно.

Первой мыслью всякого, кто имел отношение к музею, вплоть до палеонтолога, было не построить заново на другом месте, а починить, залатать, вернуть прежний вид. Для этого плотники сочли необходимым проделать в здании сквозную дыру, сломав одну стену на каждом этаже, и начали они с угла Элизабет. На втором этаже дыру скрывал саркофаг, на первом — не без оснований — небольшая дверца с надписью «НЕ ВХОДИТЬ». В канцелярии же закрыть ее оказалось нечем, поэтому, придя в понедельник утром на работу, Элизабет обнаружила, что стену рядом с ее столом, которой она, печатая на машинке, почти касалась левым локтем, снесли, обнажив скелет здания. В тот день Элизабет пришла первая. Аккуратно повесив пальто и шляпку на вешалку у двери, она прошла в свой угол и глянула в дыру — у девушки мгновенно закружилась голова и возникло непреодолимое желание броситься вниз, в первобытные пески, на которых, по всей видимости, стоял музей. Далеко

внизу, на первом этаже, она услышала голоса экскурсоводов, слабым эхом разносившиеся по зданию, — сегодня был день открытых дверей, и экскурсоводы слонялись без дела. Со второго этажа, судя по громкости, доносился чей-то недовольный голос — должно быть, археолог, стоя у саркофага, возмущался качеством воздуха. Элизабет, у которой болела голова, болела почти все время, вздохнула и повернулась к столу, где ждало письмо с предложением принять собранный из спичек макет небоскреба. К третьему письму легкое ощущение праздника, вызванное отсутствием в кабинете стены, почти полностью улетучилось. Прочтя письмо, Элизабет встала и снова заглянула в прошлое, а затем вернулась на место с единственной мыслью — о больной голове.

«милая лиззи твоей беззаботной жизни конец берегись меня берегись лиззи берегись меня и веди себя хорошо потому что я тебя поймаю и ты пожалеешь и не думай что я не узнаю лиззи потому что я знаю... гадкие мыслишки лиззи гадкая лиззи»

Элизабет Ричмонд было двадцать три года. У нее не было родителей, не было друзей, не было ни одного близкого человека, а устремления ограничивались тем, чтобы прожить без особых мучений отпущенное ей время. С тех пор как четыре года назад умерла ее мать, Элизабет ни разу ни с кем не поговорила по душам, а тетя, у которой девушка жила, много не требовала: лишь бы племянница отдавала ей часть недельного жалованья и вовремя спускалась к ужину. Хотя Элизабет приходила в музей каждый